
Брусиловский прорыв и генерал А.Е. Эверт

Сергей Сергушкин

The Brusilov offensive and general A.E. Evert

Sergey Sergushkin (Lomonosov Moscow State University, Russia)

Главнокомандующего армиями Западного фронта Алексея Ермолаевича Эверта в историографии нередко упрекают в том, что после провала наступления в районе озера Нарочь в марте 1916 г. он морально «сломался», потерял веру в себя и свои войска и в результате не решился оказать своевременную поддержку Брусиловскому прорыву¹. Внезапную отмену в начале июня 1916 г. долго готовившейся атаки на Виленском направлении и её смещение к Барановичам историки также связывают лишь с неверием Эверта в успех операции². Иногда говорится чуть ли не о его преступном нежелании помочь Юго-Западному фронту³. Однако понять решения Алексея Ермолаевича возможно лишь в контексте подготовки Западного фронта к наступлению и изменения первоначальных планов. Между тем внимание исследователей было сосредоточено преимущественно на успехах А.А. Брусилова, тогда как судьба грандиозного удара, задуманного, но так и не осуществлённого русским командованием, стремившимся переломить ситуацию на Восточном фронте, пока ещё не получила должного освещения, требующего изучения материалов Ставки верховного главнокомандующего и штаба Западного фронта.

16 марта 1916 г. начальник штаба верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев разослал главнокомандующим фронтами телеграмму № 1514 с приказом приостановить операции 2-й и 5-й армий, так как начатая ими ещё 5 марта атака неприятельских позиций у Якобштадта, севернее Двинска, и в районе озера Нарочь не привела к значимым результатам, а тёплая погода и обильные осадки затрудняли продолжение активных действий. При этом всем фронтам предписывалось вести деятельную подготовку к возобновлению наступления⁴. План его предметно обсуждался на совещании, состоявшемся 1 апреля в Могилёве под председательством Николая II, где собрались М.В. Алексеев, главнокомандующие Северного, Западного и Юго-Западного фронтов (А.Н. Куропаткин, А.Е. Эверт и А.А. Брусилов) и начальники их штабов, генерал-инспектор артиллерии вел. кн. Сергей Михайлович, военный ми-

© 2016 г. С.С. Сергушкин

¹ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939. С. 422; Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 4. М., 1994. С. 31; Оськин М.В. Алексей Ермолаевич Эверт // Вопросы истории. 2014. № 5. С. 44; Stone N. The Eastern front 1914–1917. L., 1974. P. 231.

² Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 6. М., 1923. С. 31–32; Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1916 год. Сверхнапряжение. М., 2015. С. 144.

³ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. М., 1920. С. 29–30; Строков А.А. Вооружённые силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974. С. 408; Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 319; Вооружённые силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. II. М., 2014. С. 191; Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М., 2014. С. 165.

⁴ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 54, л. 201.

нистр Д.С. Шуваев, генерал-квартирмейстер Ставки М.С. Пустовойтенко, генерал Н.И. Иванов и адмирал А.И. Русин⁵. Незадолго до совещания, 22 марта, всем им была разослана копия доклада Алексеева Николаю II⁶, послужившего основой для принятых решений. Впоследствии предложения начальника штаба верховного главнокомандующего были детально рассмотрены В.Н. Клембовским⁷, не проследившим лишь предысторию составления этого документа, которую важно учитывать при анализе последующих событий.

20 марта генерал Эверт послал Алексееву телеграмму № 12452, в которой высказал соображения по поводу возобновления боевых действий, прерванных весенней распутицей. На Западном фронте к тому времени были сосредоточены значительные силы, предназначавшиеся для «Нарочской операции», однако, как отмечал Эверт, продолжительный перерыв в её проведении существенно изменил общую обстановку и заставлял пересмотреть выгоды и недостатки возможных направлений для нового наступления. Прежде всего генерал указывал на неподходящие для этого районы и напоминал о необходимости считаться с большой вероятностью того, что к весне противник сам может перехватить инициативу. Учитывая превосходство технических средств немецкой армии, следовало предусмотреть возможность переброски в район её удара значительных сил. Поэтому, сосредоточивая войска для наступления, приходилось одновременно обеспечивать безопасность на наиболее важных и угрожаемых линиях (Вильна–Минск и Вильна–Полоцк). Кроме того, весной обширные болотистые участки фронта становились непригодными для боевых действий.

Эти обстоятельства делали наступление Западного фронта к югу от Березинской пущи и Немана невыгодным и отвлекающим главные силы на относительно безопасное направление. К тому же серьёзное значение оно приобрело бы лишь при глубоком продвижении, а на него нельзя было рассчитывать ввиду тех затруднений, которые могли встретиться в болотистой долине Щары с командующим левым берегом на западе и в лесисто-болотистой полосе Немана до устья Щары на севере. Эверт заключал, что борьба в этом районе может носить лишь вспомогательный характер, атаковать же лучше севернее Немана – в направлении Молодечно–Вильна, на удобной для этого местности от Березинской пущи до Сморгони. Сосредоточение здесь войск позволяло сдерживать противника в случае его движения от Вильны на Минск или Полоцк. Препятствием же являлось густое сосредоточение немецких войск, сильно укрепивших свои позиции, и сравнительная лёгкость подхода их резервов. Выгодным в стратегическом отношении признавалось и наступление со стороны Полоцка, но практически вести его можно было лишь зимой: с весны оно свелось бы к преодолению узких перешейков в цепи озёр на виду у неприятеля. Примыкавшие к этим озёрам леса и болота Дисны делали невозможным применение артиллерии. К северу от этого пространства начинался озёрный район, представлявший противнику отличные условия для обороны.

Всё это убеждало Алексея Ермолаевича в том, что, несмотря на заведомо сильное сопротивление немцев, главный удар следует нанести на Вильну с участка фронта между Березинской пущей и рекой Вилией⁸. Примечательно,

⁵ Айранетов О.Р. Указ. соч. С. 124.

⁶ Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. Сборник документов. М., 1940. С. 68–72.

⁷ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. С. 26–29.

⁸ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 54, л. 231–232.

что Алексеев в своём докладе, составленном уже после ознакомления с телеграммой Эверта, также высказался в пользу этого плана⁹. Видимо, именно инициатива главнокомандующего Западным фронтом лежала в основе разработок Михаила Васильевича.

К сожалению, журнал совещания 1 апреля, если таковой был составлен, до сих пор не обнаружен. Н. Н. Головин заявлял о существовании (и более того, изучении) этого документа¹⁰, однако не цитировал его, хотя обычно включал в свои работы пространные выдержки из источников. Да и не совсем понятно, как именно он мог получить этот текст, находясь в эмиграции во Франции.

Подробное описание могилёвского совещания оставил в воспоминаниях Брусилов. По его словам, Алексеев предполагал отвести главную роль в предстоящей операции Западному и отчасти Северному фронтам, а Юго-Западному следовало перейти в наступление лишь тогда, когда на севере твёрдо обозначатся первые успехи. Затем Куропаткин будто бы заявил, что его фронт, судя по предыдущим неудачным попыткам, едва ли сможет прорвать сильно укреплённые позиции немцев. Эверт, как утверждал Брусилов, всецело присоединился к мнению Куропаткина и предпочитал оставаться в обороне до тех пор, пока русская армия не будет обладать, по крайней мере, таким же количеством тяжёлой артиллерии и снарядов, как противник¹¹. Таким образом, получалось, что Алексеев якобы навязывал главнокомандующим фронтов план, который они не желали исполнять, что привело впоследствии к плачевным результатам.

Мемуары Брусилова оказали значительное влияние на историографию Первой мировой войны, причём далеко не всегда содержащиеся в них сведения воспринимались критически. Между тем его личные отношения с Эвертом складывались довольно своеобразно. Так, Алексей Алексеевич вспоминал, что, получив ряд посланий от неизвестных ему лиц, обвинявших Эверта в предательстве русских интересов и желании нанести ущерб армии, он, не веря этим толкам, счёл всё же необходимым в частном письме осведомить Алексея Ермолаевича о том, как воспринимается задержка им помощи Юго-Западному фронту. Ответа на это не последовало¹².

Однако во время дискуссии о Луцком прорыве, проходившей на публичном заседании Военно-исторической комиссии в августе 1920 г.¹³, о данном эпизоде говорилось несколько иначе. Брусилов признал, что обвинений Эверта в измене от солдат или офицеров не слышал, но получил от них 6–7 писем, в которых ставились вопросы: почему Западный фронт не помогает, почему им командует немец Эверт и не изменил ли он? Тогда ему пришлось написать главнокомандующему Западным фронтом письмо, указав, что про него пишут подобные вещи, и прося принять меры к «устранению поводов к нареканиям». При этом генерал добавил, что, конечно же, был уверен в невиновности Алексея Ермолаевича, который просто опасался сильного сопротивления немцев на Виленском направлении. А. А. Свечин, выступавший с критикой действий Юго-Западного фронта, тут же уточнил, что письмо с клеветническими, по сути, обвинениями Эверта в измене было адресовано Алексееву (Брусилов с места вставил:

⁹ Там же, л. 259. Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. С. 71.

¹⁰ Головин Н. Н. Указ. соч. С. 422.

¹¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 166.

¹² Там же. С. 191.

¹³ Черкасов П. В. Мировая война 1914–1918. «Луцкий прорыв». Труды и материалы к операции Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 года. М., 1924.

«может быть») и отправлено начальнику штаба верховного главнокомандующего 5 июня, т. е. через два дня после перемены цели главного удара Западного фронта с Вильны на Барановичи. Разумеется, как отметил Свечин, это решение не могло так скоро сделаться достоянием масс и отозваться в письмах снизу¹⁴.

Клембовский, будучи начальником штаба Юго-Западного фронта, также присутствовал на совещании 1 апреля и соответственно описывал в своей работе выступления его участников как очевидец. По свидетельству Владислава Наполеоновича, генерал Эверт, разобрав возможные направления действий своих войск, признал единственно выгодным наступление на Вильно, но на 20-вёрстном фронте атаки считал нужным иметь в первой линии три корпуса и столько же во второй. Наступательную операцию он признавал возможным начать лишь через два месяца, решительно высказавшись за нанесение удара одним каким-нибудь фронтом, а не двумя. Но затем он поддержал мнение Брусилова о целесообразности атаковать противника всеми тремя фронтами и согласился сократить срок подготовки наступления до одного месяца¹⁵.

Таким образом, Клембовский и Брусилов, несмотря на схожую оценку событий весны–лета 1916 г., по-разному изложили позицию, занятую Эвертом на совещании 1 апреля. И только служебная переписка с Алексеевым позволяет понять, из чего исходил и чем руководствовался Алексей Ермолаевич. Учитывая его телеграмму № 12452, трудно сказать, по каким причинам он стал бы выступать на совещании против предложенного им же проекта наступления Западного фронта. Поэтому гораздо убедительней выглядит версия Клембовского, писавшего, что Эверт выделил ряд условий, без которых достижение успеха представлялось затруднительным. Схожие соображения он приводил и 20 марта во второй части своей телеграммы.

Опираясь на опыт многократных попыток прорвать укреплённые полосы противника как во Франции, так и в России, Алексей Ермолаевич полагал, что подобная операция, трудная даже при достаточных средствах нападения, явно невыполнима при их нехватке. Исходя из этого, он настаивал на создании превосходства сил, позволяющего «изломать» вражескую оборону, настойчиво повторяя атаки свежими сменяющимися войсками, а также на наличии такого количества тяжёлой артиллерии и снарядов к ней, которое давало бы возможность уничтожить средства защиты атакованного участка¹⁶.

А. А. Керсновский утверждал, что Эверт не умел мыслить иначе, чем по трафарету Французского фронта, и пытался при подготовке наступления с совершенно негодными средствами воспроизвести и так далеко не выдающиеся, по мнению историка, образцы ведения боя, продемонстрированные армиями Антанты в Шампани и Артуа осенью 1915 г.¹⁷ Однако концентрация максимального количества сил и средств, в первую очередь артиллерийских, на направлении главного удара, чего добивался Эверт, являлась в годы Первой мировой войны непреложным принципом военного искусства. Так, ударная 8-я армия Юго-Западного фронта (в состав которого входили 40 дивизий пехоты и 15 кавалерии), совершая прорыв под Луцком, на 20-вёрстном участке сосредоточила в первой линии 9,5 пехотных дивизий, имея в резерве ещё 3¹⁸.

¹⁴ Там же. С. 17, 23, 25.

¹⁵ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. С. 28.

¹⁶ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 54, л. 232.

¹⁷ Керсновский А. А. Указ. соч. Т. 4. С. 33.

¹⁸ Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. С. 192.

Очевидно, что Эверт учитывал французский опыт, в том числе и при расчёте сил, необходимых для атак укрепленной позиции. По его мнению, корпус мог их взять, лишь действуя на участке не более трёх вёрст по фронту¹⁹. Более того, для изнурения противника предусматривалось атаковать его поочередно двумя корпусами. Таким образом каждый из них смог бы своевременно получать передышку и пополнение. Но в случае, если за первой полосой обороны имелась вторая, столь же сильная, этих войск, по мнению Алексея Ермолаевича, оказалось бы недостаточно для энергичного развития и закрепления достигнутого успеха. Это потребовало бы даже при сравнительно ограниченной цели иметь в резерве ещё четыре свежих корпуса. В итоге Эверт считал, что для прорыва нужно сосредоточить, в зависимости от масштаба задачи, 14–18 корпусов. Алексееву это казалось просто нелепым: на 15 вёрст предполагалось стянуть 20 дивизий (320 батальонов), тогда как французы в Шампани выставили в первой линии на 15 км 10 дивизий, а во второй – 4 (168 батальонов), т. е. почти вдвое меньше, не говоря уже о четырёх корпусах для развития удара. Позднее Эверт напишет ему: «По исторически сложившимся условиям Россия поставлена в необходимость бороться с техникой врага кровью своих сынов и при том кровью более обильной, чем когда-либо»²⁰.

Расчёты главнокомандующего Западным фронтом учитывали реалии Восточного фронта – недостаток артиллерии и снарядов, которые теоретически считались важнейшим залогом победы, а также предполагаемые силы противника в намеченном для удара районе. По данным русского командования, зимой 1915/1916 г. немцы имели на Виленском направлении 11 дивизий и могли в течение 10 дней подвезти ещё не менее шести, пользуясь наличием сети железных дорог. Для успешного наступления на укрепленные позиции, особенно при ограниченных технических средствах, надо было обеспечить более чем двойное численное превосходство, т. е. как раз до 28–36 дивизий на ударном участке и 6–8 на остальном фронте 10-й армии, которой предстояло осуществить прорыв²¹.

К тому же нельзя забывать, что наступление Антанты в Шампани и Артуа в итоге провалилось, во многом именно вследствие недооценки позиций и сил германских войск: вторая линия их обороны, расположенная на расстоянии нескольких километров от первой, явилась неожиданностью для англичан и французов, штурм её требовал таких же усилий и подготовки, но ни живой силы, ни боевых запасов для этого не оказалось²². И Эверт считался с этим опытом при составлении своего плана²³.

Вместе с тем сама необходимость сосредоточения столь крупных сил исключала возможность осуществить его одновременно на двух и, тем более, трёх фронтах²⁴. Это вовсе не означало, что они были обречены на пассивность. Напротив, упорные демонстративные удары могли ввести противника в заблуждение и сковать его части. Намечая главный удар в направлении Вильны,

¹⁹ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 54, л. 232. Это в целом совпадало с инструкциями французского командования, изданными в июле и августе 1915 г. В соответствии с ними атакующей дивизии (12 батальонов) следовало занимать фронт в 1,5 км (*Строков А. А.* Указ. соч. С. 312). Кстати, в русской армии дивизия насчитывала тогда 16 батальонов.

²⁰ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 54, л. 232–232 об., 260–260 об.; д. 55, л. 177.

²¹ Там же, д. 54, л. 232 об.–233.

²² *Зайончковский А. М.* Первая мировая война. СПб., 2002. С. 435.

²³ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 54, л. 236.

²⁴ Там же, л. 233 об.–234.

Эверт рассчитывал провести одну из таких отвлекающих атак на участке Северного фронта. По-видимому, не возражал он на совещании и против активных действий Брусилова, а поскольку они должны были вестись на значительном расстоянии от места запланированного прорыва, начать их предлагалось немного раньше. По свидетельству Клембовского, речь шла о двух неделях, но данный срок представляется несколько преувеличенным, скорее всего он мог составить 7–8 дней²⁵. Такая формула взаимодействия фронтов 11 апреля была закреплена директивой № 2017²⁶.

Тем не менее взгляды Эверта и Брусилова на поставленную перед ними задачу были весьма близки. Согласно мемуарам Алексея Алексеевича, на совещании в Могилёве он отстаивал необходимость атаковать противника сразу всеми фронтами собственно для того, чтобы лишить его возможности свободно перебрасывать войска по внутренним операционным линиям, пользуясь развитой сетью железных дорог. Речь шла именно о демонстративных, вспомогательных действиях и вовсе не отрицалось, что основную роль предстоит сыграть армиям Эверта²⁷.

Алексей Ермолаевич, со своей стороны, ещё в конце октября 1915 г. делясь в телеграмме № 8173 с Алексеевым соображениями о том, как следует вести наступательные операции после восстановления боеспособности русской армии, подорванной в ходе «Великого отступления», указывал на важность организации таких атак на чувствительных для неприятеля направлениях, что помешало бы ему собрать все силы там, где будет решено нанести сокрушающий удар²⁸.

Особое значение Эверт придавал демонстрации в сторону Барановичей, где находился важный железнодорожный узел, потерянный русской армией в сентябре 1915 г., и далее – на Белосток. По мнению генерала, она имела бы угрожающий характер для коммуникаций противника при выборе любого из четырёх вариантов главной атаки: Рига–Шавли, Двинск–Вильна, Полоцк–Вильна и Молодечно–Вильна²⁹. В период подготовки наступления 2-й армии в районе озера Нарочь в конце февраля 1916 г. главнокомандующий Западным фронтом, желая взять город, рассматривал возможность нанесения удара на Барановичи частями 4-й армии³⁰. Однако такого приказа не последовало³¹. Для осуществления задуманного Эверт рассчитывал переместить в данный район два, а на главное направление – шесть дополнительных корпусов с других фронтов, но согласно решению могилёвского совещания ему пришлось довольствоваться уже имеющимися силами³².

Даже при таких обстоятельствах, видя, что войск для успеха слишком мало, Алексей Ермолаевич надеялся на удачу при условии постоянного притока снарядов³³. Между тем Алексеев, вовсе не считая требования главнокомандующего Западным фронтом преувеличенными, указывал, что если сопоставить его запросы, выведенные из опыта, с нормами изготовления и наличным запасом

²⁵ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. С. 28; РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 55, л. 391.

²⁶ Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. С. 81.

²⁷ Брусилов А. А. Указ. соч. С. 167, 178.

²⁸ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 51, л. 335.

²⁹ Там же, л. 334.

³⁰ Там же, д. 75, л. 31–33.

³¹ Там же, л. 44.

³² Там же, д. 54, л. 354.

³³ Там же, л. 355.

тяжёлых снарядов, то следует признать артиллерийскую подготовку для прорыва «покушением с негодными средствами»³⁴.

Уже на совещании в Могилёве стало очевидно, что обеспечить надлежащее поступление боеприпасов не удастся. Ознакомившись со сведениями, сообщёнными генерал-инспектором артиллерии вел. кн. Сергеем Михайловичем, Эверт 5 апреля писал Алексееву: «Тяжёлая ответственность, возложенная на Западный фронт поставленной ему задачей, недопустимость новой неудачи, которая подорвала бы уверенность в войсках в своих силах и принесла бы горькое разочарование народу в несбывшихся ожиданиях, обязывает меня вновь высказать, что задача, возложенная на фронт, может быть выполнена своими силами только при условии удовлетворения необходимой потребности патронов». В том случае, если это являлось невыполнимым, генерал предлагал отказаться от наступления на Вильну и в соответствии с имеющимися возможностями ограничиться овладением Барановичами³⁵.

Однако Михаил Васильевич полагал, что в этом случае успех не изменит ни общего хода дел, ни положения сторон и не приблизит русскую армию к победе. Поэтому он не видел смысла нести потери и расходовать средства на такие попытки. Верховный главнокомандующий и его начальник штаба предпочитали потратить больше времени на заготовку и накопление артиллерийских запасов для более важной операции³⁶. 17 апреля Алексеев сообщил главе французской военной миссии при Ставке верховного главнокомандующего генералу Ж.-П.-М.-С. По, что наступление придётся отсрочить до конца мая или даже июня (по старому стилю) ввиду ряда причин, одна из которых – необходимость накопления мортирных и тяжёлых снарядов³⁷. Военная катастрофа на Итальянском фронте и успешный прорыв на Юго-Западном не дали этого сделать. В итоге к 1 июня 1916 г. имелось всего около $\frac{1}{10}$ испрашиваемого количества тяжёлых снарядов, а лёгких – почти вдвое меньше, чем требовалось³⁸.

Таким образом, при планировании наступления за основу был принят план главнокомандующего Западным фронтом, но необходимые для его выполнения средства предоставлялись далеко не в полном объёме. В то же время предложение ограничиться более узкой задачей – овладением Барановичским железнодорожным узлом – не получило поддержки Ставки. При этом Эверт был убеждён, что сил у русской армии хватит для решительных действий только на одном направлении.

Директива № 2017, подводившая итог могилёвского совещания, устанавливала, что подготовку намеченной операции в техническом отношении следовало завершить в начале мая. Время наступления предполагалось указать за 7–10 дней до его начала, используя этот период для окончательного сосредоточения войск³⁹. В первой половине мая Эверт объехал позиции 4-й и 10-й армий, побывал на артиллерийских наблюдательных пунктах, ознакомился с ходом обучения войск действиям в обороне и при взятии укреплённых позиций, а также с созданием штурмовых плацдармов, сокращавших расстояние, которое предстояло преодолеть до первой линии окопов противника, и тем самым пред-

³⁴ Там же, л. 517.

³⁵ Там же, л. 355.

³⁶ Там же, д. 55, л. 256–256 об.

³⁷ Там же, д. 54, л. 563.

³⁸ Там же, д. 55, л. 174.

³⁹ Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. С. 82.

охранявших наступающих от излишних потерь, ускоряя подход и способствуя нанесению более сильного удара⁴⁰. Инженерные работы протекали медленно, поскольку из-за открытой местности вести их приходилось большей частью по ночам. 4-я армия рассчитывала управиться к 25 мая, а 10-я — только к концу месяца. Однако и эти сроки оказались нереалистичными. Немного позднее, понимая всю серьёзность обстановки на Итальянском фронте, Алексей Ермолаевич распорядился закончить все подготовительные мероприятия 25 мая, однако командующие армиями сообщали, что работы затягиваются, и не скрывали сомнений в возможности завершить их даже в конце месяца⁴¹.

Между тем тяжёлое положение Италии требовало нанесения сильного удара на Юго-Западном фронте, о чём Ставка прямо заявила 18 мая в директиве № 2703. Вследствие недостаточной обеспеченности артиллерийскими снарядами, особенно крупного калибра, не было возможности вести решительные действия всеми тремя фронтами, поэтому на севере пришлось ограничиться демонстрациями, Брусилову поручили начать атаку 22 мая, а Эверту — 28 или 29, сообразуясь со степенью подготовки. Кроме того, начальник штаба верховного главнокомандующего счёл полезным силами Западного фронта ещё до 28 мая приковать внимание противника к району Пинска и Барановичей⁴². Важно отметить, что именно Алексеев ратовал за активизацию боёв на стыке Юго-Западного и Западного фронтов у Пинска. Михаил Васильевич пытался достичь двух целей сразу — не отказываясь от задуманного наступления на Вильно, добиться ощутимых результатов на юге.

Однако для успеха на двух направлениях 3-й армии Западного фронта требовалось усиление, так как основные силы и средства концентрировались гораздо севернее. 19 мая в телеграмме № 14078 Эверт предложил Алексееву отложить операцию до 1 или 2 июня. Но создаётся впечатление, что до начальника штаба верховного главнокомандующего эта телеграмма по какой-то совершенно неведомой причине не дошла или была им неправильно понята. Во всяком случае 21 мая, накануне начала прорыва на Юго-Западном фронте, он запросил мнение Эверта о сроке наступления, полагая возможным, если только Брусилову срочно не потребуется содействие, отложить его до 31 мая.

На следующий день, когда ожесточённые бои на Юго-Западном фронте уже завязались, Эверт сообщил, что желательно, если общее положение дел не заставит Западный фронт перейти к активным действиям во что бы то ни стало, нанести вспомогательный удар в районе 3-й армии 31 мая, а главный — 4 июня, когда 10-я армия успеет достаточно подготовиться, а 4-я будет совсем готова. Алексеев был крайне раздражён этим, ответив, что, если бы эти соображения поступили ранее, немедленно по получении директивы № 2703, то, возможно, атаку на Юго-Западном фронте удалось бы перенести на 26 мая. Теперь же она начата, и предоставить армиям Брусилова две недели сражаться одним допустимо только при благоприятном развитии событий. А ведь судя по датам, телеграмма № 14078 была составлена и отправлена Эвертом сразу же по получении директивы № 2703⁴³. Никаких иных просьб о переносе сроков от него не

⁴⁰ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 55, л. 173 об., 267. *Строков А.А.* Указ. соч. С. 314.

⁴¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 55, л. 174, 267, 335.

⁴² Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. С. 188–189.

⁴³ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 55, л. 334, 368 об., 383, 391.

поступало, а данные предложения были в конце концов одобрены Алексеевым, видимо, исходя из оценки обстановки на Юго-Западном фронте⁴⁴.

Предвзятая трактовка этого эпизода в «Стратегическом очерке» Клембовского⁴⁵ заметно повлияла на образ Эверта в историографии. Однако сложно заподозрить его в нежелании наступать вообще. О сложностях, возникших при подготовке наступления, Ставка извещалась неоднократно, но Алексеев явно стремился как можно скорее оказать помощь Италии. Эверт же, разделяя это стремление, думал прежде всего об успешных действиях своего фронта, на который возлагалась большая ответственность при заведомо недостаточных средствах.

26 мая 1916 г. Алексей Ермолаевич отдал командующим армиями фронта приказ, раскрывавший план задуманной им операции. 4-й армии (XX, XXVI, XXXV, II Кавказский и III Сибирский армейские корпуса, 2-я Сибирская стрелковая и Сибирская казачья дивизии) предписывалось, прочно удерживая расположение своего правого фланга, атаковать противника на фронте Кунава – выселки севернее Крево, прорвать его оборону и продвигаться в направлении Вильны. 10-й армии (I, XXIV, XXXVIII, XXXXIV, III Кавказский и I Туркестанский армейские корпуса и 2-я Кубанская казачья дивизия) следовало, закрепив свой левый фланг, наступать на выселки к Крево–Кочаны, а затем – на Бенякони. Вместе с тем ей поручалось подготовить нанесение вспомогательного удара на Вишнев с линии фольварк Кальвария – деревня Верцимы. 2-я армия (XV, XXVII, XXXIV, XXXVI, I и IV Сибирские армейские корпуса), обеспечивая правый фланг ударных армий и сковывая силы противника, должна была активизировать действия от озера Нарочь до болота Оступы. 3-й армии (Гренадерский, X, XXV, XXXI армейские корпуса, 112-я пехотная, 7-я Туркестанская стрелковая, 3-я кавалерийская, 5-я Донская, 2-я Туркестанская, 1-я Кубанская, Забайкальская и Уральская казачьи дивизии и Польская стрелковая бригада), оборонявшей левый фланг, предстояло вступить в бой в районе от озера Кодычево до деревни Тарчицы. Учитывая успехи Юго-Западного фронта, ей нужно было также готовиться к овладению Пинском⁴⁶. Таким образом, ни одна из армий Западного фронта не должна была оставаться пассивной, что вполне соответствовало тому, как воевал тогда Брусилов, новаторство идей которого не раз отмечалось в историографии⁴⁷.

Вспомогательный удар в сторону Барановичей был нанесён 31 мая. Гренадерскому корпусу, осуществлявшему наступление, удалось захватить передовые линии окопов противника, но подошедшие вскоре резервы не смогли развить успех и атака захлебнулась⁴⁸. В конце мая – начале июня этот участок становился для Эверта всё более важным. Сражавшиеся здесь части должны были отвлечь на себя внимание немцев и облегчить действия 3-й армии в районе Пинска – на стыке фронтов – для обеспечения и углубления Брусиловского прорыва с фланга. Повторение атаки было намечено на 4 июня⁴⁹.

⁴⁴ Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. С. 252–253.

⁴⁵ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. С. 29.

⁴⁶ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 56, л. 27–27 об.

⁴⁷ Ветошиников Л. В. Брусиловский прорыв. М., 1940. С. 36; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. С. 32; *Строков А. А.* Указ. соч. С. 388.

⁴⁸ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 75, л. 282; д. 56, л. 124.

⁴⁹ Там же, д. 56, л. 124.

Подготовка к наступлению на Вильну подходила к концу, но ему так и не суждено было состояться, поскольку 3 июня 1916 г. Алексеев известил главнокомандующих фронтами о своём согласии перенести направление главного удара на Новогрудок–Слоним⁵⁰. Инициатором этого переноса большая часть исследователей обоснованно признаёт Эверта⁵¹. 2 июня он отправил начальнику штаба верховного главнокомандующего телеграмму № 14471, сообщая, что, несмотря на дожди, работы по подготовке наступления на Вильну заканчиваются и 4 июня его можно будет начать, если погода не помешает артиллерийской подготовке. «Не могу, однако, скрывать, — добавлял Алексей Ермолаевич, — что 4 и 10 армиям предстоит крайне тяжёлая работа. Неприятель, как вы знаете, укрепил фронт свой чрезвычайно сильно. Армиям придётся брать ряд весьма сильно укреплённых рубежей лобовыми ударами. Весьма возможно, что наступление будет развиваться с большим трудом, медленно, и на него у нас *может не достать патронов* (здесь и далее выделенные курсивом слова подчёркнуты в тексте. — С.С.). Между тем большой успех Юго-Западного фронта коренным образом изменил общую нашу обстановку. Можно ждать, что на этих днях будут заняты Ковель и Владимир-Волынский и создастся угроза направлению на Брест, особенно если с прибытием корпуса в Пинский район мы овладеем этим районом и выдвинемся в направлении на Кобрин. Невольно приходит мысль — *не следует ли, продолжая усиленно работы на Виленском направлении, привлекая к нему всеми мерами внимание противника, не начинать в этом направлении наступления, а перебросить 2–3 корпуса в район Барановичей с тем, чтобы совместным наступлением от Пинска–Кобрин овладеть районом Барановичи–Новогрудок и, угрожая затем противнику наступлением на фронт Лида–Гродно, принудить его к оставлению позиций впереди Вильны или, во всяком случае, к такому сильному его ослаблению, какое может облегчить наступление оставшихся на этом фронте наших сил*»⁵².

Желание Эверта использовать преимущества, созданные в ходе Брусиловского прорыва, с максимальной пользой было вполне естественным. Не веря в возможность решительных действий на двух и более фронтах, он видел, что поддержать войска Юго-Западного фронта, а также Пинского и Барановичского районов, придерживаясь выработанного плана, ему нечем. Приходилось выбирать приоритетную цель. Между тем неудача атаки, предпринятой 31 мая, заставляла сомневаться в том, что сил левого крыла Западного фронта хватит как для взятия Барановичей, так и на намеченное на 6 июня наступление в районе Пинска⁵³. К тому же войск и артиллерийских снарядов, собранных на главном направлении, было явно недостаточно. Овладение же Барановичами, требуя меньших средств, в условиях успешного продвижения Юго-Западного фронта позволяло добиться уже не частных, как в апреле, когда Эверт впервые предложил решить эту задачу, а стратегических целей.

Алексее Ермолаевичу нелегко было вновь выступить с подобным предложением. «Кроме того, — писал он жене, — пришлось в эти дни выдержать

⁵⁰ Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 144.

⁵¹ Лишь по мнению И. И. Ростунова и С. Г. Нелиповича инициатива коррекции планов исходила от Ставки. См.: История Первой мировой войны 1914–1918 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. Т. 2. М., 1975. С. 199; Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 318; Нелипович С. Г. «Брусиловский прорыв». Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М., 2006. С. 13.

⁵² РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 56, л. 117–120.

⁵³ Там же, л. 107–107 об.

большую нравственную внутреннюю борьбу: с одной стороны самолюбие..., возможность, что поступку дадут неблагоприятную окраску, с другой — горячее желание общего успеха, кем бы он ни достигался, тяжкая ответственность излишне пролитой крови ради дела, которое могло быть сделано с меньшей её потерей. Приходилось выбирать. Целые сутки я бродил сам не свой. Горячая любовь к родине и нравственное сознание “так должно” победило. Будущее покажет, прав ли я был, но совесть моя во всяком случае покойна, — я поступил как честный, преданный долгу человек»⁵⁴.

Главкомандующий Западным фронтом явно рассчитывал на углубление Брусиловского прорыва и даже ждал скорого падения Ковеля и Владимира-Волынского, что после первых успехов было хоть и весьма оптимистично, но вероятно. Так, Алексеев, даже когда наступление на Ковель и Владимир-Волынский уже приостановилось, всё же думал «при некоторых мерах» его продолжить⁵⁵. Этот расчёт, по сути, лежал в основе нового плана. Складывалась странная ситуация, когда Брусилов надеялся на Эверта⁵⁶, а тот, в свою очередь, собираясь двинуться на Барановичи, прямо писал Алексееву: «Конечно, такое направление возможно лишь при условии, что успех Юго-Западного фронта будет развиваться, иначе оно только повлекло бы к разброске сил»⁵⁷. На переброску трёх корпусов, намеченных для удара, с частью тяжёлой артиллерии и подготовку атаки Алексей Ермолаевич просил не менее трёх недель⁵⁸.

Разумеется, это было лишь предложение, выдвинутое в рабочем порядке, о каком-либо давлении на начальника штаба верховного главнокомандующего речи идти не могло. Более того, Эверт даже не решался чётко заявить, какой именно вариант действий он считает предпочтительным. 2 июня в половине десятого вечера Алексеев задал ему вопрос: «К чему лично Вы более склоняетесь в данное время: сохранить ли в силе подготовленное, хотя и тяжёлое, [или] приступить к осуществлению других предложений?». Эверт ответил уклончиво: «Определённо сказать трудно, я уже высказал — данное направление потребует больших усилий, особенно при упорстве противника, но в данном направлении мы вполне готовы и можем начать немедленное [наступление] (здесь и далее сохранена орфография и стилистика документа. — С.С.). Иное решение, [в] случае продолжения успеха [на] Юго-Западном направлении потребует меньше жертв, выведя противника из района сильно укрепленной позиции, защищаемой значительными техническими средствами, мы в значительной степени обессилим его и, если бы могли бы начать исполнять новое решение [в] ближайший срок, то я не задумался бы над ответом и избрал последнее, но это новое решение приводится в исполнение в довольно продолжительный срок, какой я указать не могу, но думаю, что около месяца... За это время обстановка может измениться... Вот что меня заставляет колебаться в ответе»⁵⁹.

Таким образом, выбор предстояло сделать самому начальнику штаба верховного главнокомандующего. Но иначе быть просто не могло, поскольку Алексей Ермолаевич не имел всей информации, необходимой для того, чтобы адекватно прогнозировать изменение ситуации на Юго-Западном фронте.

⁵⁴ ГА РФ, ф. 5881, оп. 2, д. 962а, л. 30 об, 31.

⁵⁵ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 56, л. 125.

⁵⁶ Брусилов А. А. Указ. соч. С. 179.

⁵⁷ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 56, л. 121.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, л. 129–130.

Алексеев взял ночь на раздумье и просил задержать уже подписанный Эвертом и шифровавшийся приказ о начале артиллерийской подготовки (часом ранее сам Михаил Васильевич дал добро на переход в наступление 4 июня)⁶⁰.

3 июня в 12 ч. 45 мин. в очередном разговоре Алексеев сообщил Эверту о своём решении перенести удар в район Барановичей и приказал в тот же день начать переброску назначенных для этого сил. При этом он фактически возложил здесь на войска вспомогательные задачи. Алексею Ермолаевичу поручалось «привлекать на себя внимание теми способами, какие Вы (т. е. Эверт. — С.С.) признаете соответственными»⁶¹. Видимо, к этому моменту у Алексеева вполне созрела идея (даже ранее, чем полагает С.Г. Нелипович⁶²) нанести главный удар в полосе Юго-Западного фронта. Ведь было бы крайне нелогично стягивать силы противника к участку, на котором планируется серьёзное наступление. На недоумение главнокомандующего Западным фронтом Михаил Васильевич ответил: «относительно Барановичей говорил, потому что нельзя же бросить совершенно Брусилова вести борьбу одному, чем-нибудь нужно помогать»⁶³. Несмотря на протесты Эверта и командующего 4-й армии, на подготовку наступления отводилось всего 14–16 дней⁶⁴. Кстати, Брусилов считал, что подготовительные работы для успешной атаки укреплённой полосы следует вести не менее шести недель⁶⁵. Но тогда необходимость поддержки Юго-Западного фронта явно перевешивала соображения непосредственных организаторов и исполнителей планируемого наступления.

В директивах Ставки главнокомандующим фронтами (№ 2980 и 2988), закрепивших принятое решение, отмечалось, что «предстоит крайне тяжёлая работа, при чрезвычайно сильно укреплённом фронте неприятельской позиции», тогда как заблаговременное полное сосредоточение войск на Виленском направлении и густое расположение их в ближайшем тылу вполне раскрывало противнику замыслы русского командования. Тем самым прежде всего указывалось на сложность поставленной Западному фронту задачи и просчёты, допущенные его командованием, остальные доводы, высказанные ранее Эвертом, излагались затем от имени начальника штаба верховного главнокомандующего⁶⁶.

Алексей Ермолаевич был глубоко огорчён этими формулировками. «Не трудности выполнения задачи, — писал он Алексееву, — и не сосредоточение противником значительных резервов, на что Вы указывали в директиве 4 июня, и о чём я не упоминал в своей телеграмме, и чему не придаю и ныне значения.., побудили меня послать вышеназванную телеграмму (№ 14471. — С.С.). Побудила меня к этому существенно изменившаяся обстановка, созданная большим успехом Юго-Западного фронта, и мысль, что дальнейшее безостановочное развитие этого успеха с переброской нескольких корпусов в район Ковеля—Пинска—Барановичи, с угрозой в направлении на Лиду—Гродно, приведёт к гораздо бóльшим результатам, чем лобовой удар на Виленском направлении, вынудив противника из сильно укреплённой полосы перейти к маневренным

⁶⁰ Там же, л. 127, 222 об.

⁶¹ Там же, л. 131.

⁶² Нелипович С.Г. Указ. соч. С. 20.

⁶³ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 56, л. 132.

⁶⁴ Там же, л. 223 об.—225 об.

⁶⁵ Брусилов А.А. Указ. соч. С. 181.

⁶⁶ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 56, л. 144–148 об.

боям на неукреплённой местности, что в значительной степени уменьшит его преимущество в силе технических средств и увеличит наше преимущество в штыках. А для этого необходимо было скорейшее усиление войск Юго-Западного фронта и районов Пинского и Барановичского. Выполняя задачу на Виленском направлении, ничего выделить из состава Западного фронта для усиления Юго-Западного фронта и Пинского направления мы не могли. Наступление в Виленском направлении потребовало бы значительного времени, а за это время успех Юго-Западного фронта мог бы быть приостановлен»⁶⁷.

Приверженец наступательных действий, Эверт видел выход из «позиционного тупика» в сверхконцентрации сил и средств на направлении главного удара. Однако продуманный на бумаге план при воплощении в жизнь столкнулся с рядом затруднений, преодолевать которые приходилось в постоянно изменяющейся обстановке, потребовавшей как можно более крупного наступления на Юго-Западном фронте для помощи итальянским союзникам, тогда как основные ресурсы были сосредоточены гораздо севернее. Успех Брусилова кардинально изменил ситуацию, и русское военное командование попыталось проявить гибкость, используя все выгоды создавшегося положения, но явно переоценило возможности Юго-Западного фронта. Коррекция планов строилась на неверной оценке обстановки. И Алексеев, и Эверт выдавали желаемое за действительное.

Наступление на Вильну было основательно подготовлено и продумано, но поручиться за его результат было невозможно, тем более если учитывать меньшие, сравнительно с запланированными, силы и средства, предоставленные для нанесения удара. Рассчитывая на дальнейшее углубление Брусиловского прорыва, Эверт предложил нанести главный удар на Барановичи с тем, чтобы совместно с правым крылом Юго-Западного фронта совершить мощное концентрическое движение в общем направлении на Лиду—Гродно, принудив противника к оставлению позиций у Вильны. Эта идея нашла живой отклик у Алексеева, внимание которого в то время также было приковано к событиям на юге. Однако Михаил Васильевич, приняв это предложение, по сути его изменил, сведя действия в районе Барановичей к вспомогательной, отвлекающей атаке и начав наперегонки с австро-германским командованием перебрасывать войска на юг. До 26 июня, когда неудавшееся наступление Западного фронта на Барановичи было фактически прекращено и стало чисто демонстративным, он передал Юго-Западному фронту 16 пехотных и 7 кавалерийских дивизий⁶⁸. Между тем Алексей Ермолаевич предполагал, не отказываясь от нанесения главного удара, рискнуть степенью его подготовленности в пользу благоприятных обстоятельств. В конечном итоге стратегия Алексеева привела к тому, что Брусилову не удалось взять Ковель, а ослабленные армии Эверта, не имевшие достаточно времени на подготовку, не смогли прорвать вражеский фронт.

⁶⁷ Там же, л. 221 об.—222.

⁶⁸ *Нелипович С.Г.* Указ. соч. С. 23.